

С 8 по 12 октября 2015 г. на острове Родос (Греция) состоялся XIII Всемирный публичный форум «Диалог цивилизаций» на тему «Мир за пределами глобального беспорядка». Форуму предшествовал «Научный марафон», где были представлены работы возможных участников форума. Победителями конкурса были признаны три работы:

- «Опустошение человечества: неолиберализм, индивидуализм и возможность счастья» Яна Форбса (Ian Forbes, Великобритания);
- «Рост экстремизма и фактор “интеллектуального паритета” Гагика Арутюняна (Армения);
- «Да, неравенство: но почему люди не протестуют?» Стива Шеги (Steve Szeghi, США).

В связи с этим событием поздравляем Гагика Ашотовича и желаем дальнейших творческих побед!

ЭКСТРЕМИЗМ КАК ВЫЗОВ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Г.А. АРУТЮНЯН

Сегодня Исламское государство (запрещенное в Российской Федерации) многими воспринимается как основной источник рисков для глобальной безопасности. Однако ИГ — лишь верхушка айсберга. Обострение обстановки из-за действий экстремистов сегодня происходит в Центральной и Юго-Восточной Азии, в континентальной «желтой, жаркой Африке», а также на Украине. Вовсе не случайно, что члены «Правого сектора» называют себя «христианскими талибами», не говоря уже о множестве фактов взаимодействия между ними и исламистами. Потенциал экстремизма накапливается в странах ЕС, возобновились межрасовые столкновения в США. Складывается впечатление, что волна экстремизма накрывает глобальное пространство, и есть все основания считать это явление важнейшим мировым социально-политическим трендом. Часть аналитиков связывает происходящее с формированием мультиполярного мира, протекающим в жестком режиме «Холодной войны-2». Но дело не только в этом.

В мире происходит бунт против псевдоценностей, базирующихся на финансово-спекулятивной модели экономики, которая стимулирует потребительские инстинкты. Наиболее глубоко охарактеризовал эту ситуацию академик А. Панарин: «После победы Запада в холодной войне наметились симптомы вырождения западной цивилизации в новую экспроприаторскую систему глобального типа»¹. В этих условиях девальвируют и демократические нормы, что позволяет английским социологам определить современные западные общества как «пост-

демократические»². Известно, что ряды ИГ и других радикальных организаций пополняются не только из мусульманской среды. Протестное движение направлено также против современных масс-медиа. Информационный тоталитаризм оборачивается как «глобальным промыванием мозгов», так и массовым прослушиванием всего и вся, по сравнению с которым провидения гениального Джорджа Оруэлла выглядят просто бледно. В таких условиях вовсе не удивительно появление «диссидентского движения», в чем-то напоминающего советское, когда отдельные смельчаки (Ассанж, Сноуден и др.) публикуют «хронику текущих событий» в тоталитарной системе. Для подавления протестного движения применяются самые разные и самые изощренные методы. Но процесс «уже пошел», и этот бунт накладывается на глобальную военно-политическую обстановку, делая ее еще более сложной. Не удивительно, что для характеристики современных реалий используются термины «турбулентность» или же «хаос».

Между тем представляется, что во всем этом «безумии», согласно шекспировскому персонажу, присутствует и «некая система».

Прецеденты политического экстремизма

В информационном пространстве можно встретить множество ссылок на связи спецслужб разных стран с террористическими формированиями, в том числе с Аль-Каидой и ИГ. Способ не новый: хорошо известно, что радикалы — это та брутальная сила, которую всегда стремятся держать под контролем и использовать в собственных целях правительства и специальные службы всех более или менее влиятельных государств. Вместе с тем рассматривать нынешнее повсеместное распространение экстремизма и его превращение в глобальный геополитический фактор лишь как отдельные операции спецслужб затруднительно. Логика событий позволяет также выдвинуть версию об искусственном и продуманном распространении экстремизма или, по крайней мере, о влиянии подобного продуманного плана на происходящее.

Недавно отмечали годовщину Победы над Германией. Та война была следствием роста экстремизма — фашизма и нацизма. Объективных предпосылок для зарождения идеологии фашизма в Германии было достаточно. Относительно же расизма дело обстоит сложнее: известно, что этот феномен изначально зародился в англосаксонской среде. Дурной пример всегда заразителен, но, по утверждению ряда исследователей, экспорт и дальнейшее продвижение расистских идей в континентальную Европу происходили не совсем спонтанно. Поэтому данный вопрос обсуждался и обсуждается в контексте роли британского сообщества в деле инициирования войны. Так или иначе, тезис об исключительности и превосходстве отдельного этноса (или религии) над другими сегодня весьма актуален. Смысловые вирусы собственной

исключительности заложены в технологиях «цветных революций», и ими с энтузиазмом заражаются «революционные общества». Свежий пример — Украина. Поэтому есть основания предполагать, что сегодня распространение эпидемии экстремизма — это технологизированная возможность развязывания конфликтов в выгодной для «заражающих» редакции. Для этого полезно даже «объявить» войну «экстремизму», о чем свидетельствуют военно-политические процессы последних лет.

«Мозговые тресты» и «управляемый хаос»

На первом этапе операции проводились по традиционным канонам: Афганистан и Ирак были разбомблены, оккупированы и т.д. Потом в ход пошли более «умные технологии». Для реализации планов в регионе Большого Ближнего Востока США широко использовали разработки корпорации RAND. Внимание к продукции этого известного центра просто необходимо: достаточно перечислить названия лишь некоторых трудов RAND-а: «Гражданский демократический ислам: партнеры, ресурсы и стратегии», «Создание умеренной мусульманской сети» и т.д. Поэтому приписывать успех «арабской весны» или «евромайдана» лишь технологиям «отца цветных революций» Джина Шарпа будет преувеличением: эти перевороты (кстати, классические примеры экстремизма) зиждились на глубоких знаниях социально-политических и этно-религиозно-психологических характеристик конкретной страны и общества. Но это тоже еще не все: RAND и Шарп предоставляли знания и технологии, т.е. «тактическое оружие», но не политическую философию и идеологию.

Еще недавно у всех аналитиков на устах были слова об «управляемом хаосе». Некоторые эксперты справедливо связывали это явление с разработками Института критичной сложности в Санта-Фе. Созданная под патронажем Пентагона и Госдепа, эта структура должна была адаптировать теорию хаоса для прикладных геополитических задач. Одним из основателей института был лауреат Нобелевской премии, знаменитый физик Мюррей Гелл-Манн, а основой деятельности Института стали концепции другого Нобелевского лауреата — Ильи Пригожина о «хаосе и порядке».

Возможно, на внедрение своих идей в реальную политику великие ученые смотрели как на увлекательную умственную игру. Труднее представить, что они, безгранично поверив в универсальность физических законов, посчитали, что эти законы будут «работать» и в непредсказуемой человеческой среде. Полагаем, что решающим фактором оказалось участие в этих разработках Збигнева Бжезинского и других специалистов от дипломатии и спецслужб. Будучи менее одаренными, они могли бы, следуя своим геополитическим инстинктам, волевыми усилиями заставить все-таки скрестить политику с теоретической физикой. Симбиоз состоялся и появился расхожий

термин «управляемый хаос», из которого, по замыслу его авторов, должен был возникнуть «новый порядок».

Естественно, что хаос, кроме всего прочего, порождает также потоки беженцев. Поэтому неудивительно, что в Белферском центре по науке и международным делам Гарвардского университета было проведено исследование под названием «Стратегическое проектирование миграции как оружие войны» (Strategic Engineered Migration as a Weapon of War), результаты которого были опубликованы в марте 2008 г. в журнале *Civil Wars*.

Прогу-геноцид

На Ближнем Востоке было и есть множество объективных проблем самого различного характера. Известно также, что реальная политика редко бывает особо гуманной. Вместе с тем некоторые современные политические технологии, содержащие иногда не совсем корректные механистические тезисы от «мозговых трестов», особенно антигуманны. Они инициируют военно-политические и общественные процессы, которые приводят к массовой гибели людей и уничтожению цивилизационных ценностей. Эти технологии по форме изложения весьма политкорректны и как будто не содержат элементов экстремизма. Однако именно они приводят к гуманитарным катастрофам. Правда, механизмы в данном случае применяются весьма утонченные: войны ведутся чужими руками, другими словами — в режиме *проху*.

К примеру, на Ближнем Востоке происходит настоящий геноцид: число погибших приближается к 2 млн, а число беженцев — перевалило за 15 млн. Геноцид сопровождается культурицидом, на грани исчезновения оказались христианские (и в их числе армянские), языческие и другие культурные ценности, а также ряд общин региона³. Невосприимчивость мирового сообщества к механизму «проху-геноцида» связана с развитием профилактической информационной манипуляции: например, в Сирии дело представляется как гражданская война «демократической оппозиции» против диктатора Асада. Для подавления же возможных протестов пресловутого мирового сообщества применяются все методы ведения «информационной войны против собственного народа». Между тем не вызывает сомнения, что геноцид на Ближнем Востоке должен быть расследован в формате международного трибунала как преступление против человечества.

О некоторых последствиях

Следует признать, что военно-интеллектуальные усилия дали весьма ощутимые результаты. В информационном плане само название ИГ внедрило в сознание глобального сообщества ассоциацию Ислама с терроризмом, что усиливает межцивилизационный антагонизм в духе концепций Хантингтона. В геополитическом аспекте часть

Евразии окружена поясом нестабильности (пресловутая «Анаконда»), а радикальные группировки, иногда небезуспешно, проявляют активность в России и Китае. К тому же, Россия и Иран втянуты в конфликты на Украине и в Йемене. Казалось бы, основные геостратегические задачи выполнены. Но выполнены далеко не полностью, так как в дело вмешались другие закономерности, намного более простые, а именно закон о том, что «действие рождает противодействие».

Россия и Китай, каждый по-своему, стали противодействовать американским планам и принимать необходимые меры. Иран, во многом благодаря своей уникальной общественно-политической системе, оказался стойким ко всякого рода цветным революциям, и кошмар Ливии или Сирии там не повторился. Против революционной анархии восстали и восстановили порядок египетские военные. В контексте «сопротивления» ряд государств стал координировать свои усилия в форматах ШОС, БРИКС и ЕАЭС.

На этом фоне появились известные проблемы у самих Соединенных Штатов. В свое время Пол Кеннеди предостерегал от того, что «сумма глобальных интересов и обязательств США намного превосходит возможности защитить их одновременно», и определил это явление как «имперское перенапряжение», которое сопровождается «головокружением от успехов». Однако и в таком состоянии американцы способны на многое, особенно с учетом того, что у них огромный перевес над своими конкурентами в научно-инновационной и военно-технологической сферах.

Неопределенность перспектив

Согласно заявлениям американских военных, для ликвидации ИГ потребуется до десяти лет, тогда как в 2003 г. для разгрома Иракской армии потребовались три недели. Примечательно, что относительно конфликта на Украине мало кто рискует называть какие-то сроки, но есть все симптомы того, что противостояние там принимает хронический характер. Если же попытаться экстраполировать современные реалии на перспективу, то основной тренд, как уже отмечалось, это рост экстремизма, который, к примеру, на европейском континенте осуществляется с помощью действия двух механизмов. Во-первых, это «эффект бумеранга»: потоки беженцев от «хаоса» являются питательной средой для радикальных организаций, не говоря уж о специально внедренных в их ряды эмиссарах ИГ. Во-вторых, протест зреет и у этнических европейцев, для которых актуализируется проблема выживания как представителей своего народа. В этом контексте любопытны интуитивные пророчества, выраженные в художественной форме, как это сделала Елена Чудинова в своей книге «Мечеть Парижской Богоматери».

Между тем реализуемость подобных сценариев зависит не столько от экономических и военных показателей, сколько от того, сумеют

ли Россия и Китай конкурировать со сверхдержавой в сфере «умных политических и организационных технологий». К примеру, в КНР Госсовет принял решение о создании ряда «мозговых трестов» с тем, «чтобы некоторые из них добились глобального влияния».

Таким образом, представляется, что полноценный мультиполярный миропорядок возможен лишь при формировании «интеллектуального паритета» между ведущими странами, с выработкой соответствующих механизмов сдерживания «умных технологий».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Панарин А.С. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой. – URL: http://modernlib.ru/books/panarin_aleksandr/narod_bez_eliti_mezhdu_otchayanem_i_nadezhdoj/read_2

² Крауч К. Постдемократия. – М.: Изд-во Нац. иссл. ун-та – Высшая школа экономики, 2010.

³ Harutyunyan G. The Multipolar Realities, Middle East and News Ticker Genocide // 21st Century. 2013. № 2 (14), p. 3–15.

REFERENCES

Panarin A.S. People without Elite: between Despair and Hope. Available at: http://modernlib.ru/books/panarin_aleksandr/narod_bez_eliti_mezhdu_otchayanem_i_nadezhdoj/read_2/

Crouch C. Post-Democracy. Moscow, National Research University High School Economics Publ., 2010. 192 p. (Russian trans.).

Harutyunyan G. The Multipolar Realities, Middle East and News Ticker Genocide. In: 21st Century. 2013. No 2 (14), pp.3-15.

Аннотация

Экстремизм рассматривается как основной тренд глобальных развитий. Обосновывается, что распространение экстремизма не только является следствием формирования «полицентричного миропорядка» и роста протестов против финансово-спекулятивной модели экономики, но и обусловлено применением специально разработанных политических технологий. Совокупность отмеченных факторов является серьезнейшим вызовом и глобальной, и региональной безопасности.

Ключевые слова: экстремизм, Исламское государство, политические технологии, интеллектуальный паритет.

Summary

In the article extremism is viewed as the main trend of global developments. It is substantiated that the spread of extremism is caused not only by establishment of a “polycentric world order” and as a protest against the financial profiteering model of economy, but also by the use of specially developed political technologies. In combination, the above mentioned factors are a serious challenge to the global security as a whole, and regional security in particular.

Keywords: extremism, Islamic state, political technologies, intellectual parity.